
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Джордж Гуницкий. Время уходит. СПб.: Алетейя, 2022. — 124 с.

Джордж (Анатолий) Гуницкий (также известен под прозвищем Старый Рокер) — фигура в культурной жизни города на Неве заметная. Поэт, прозаик, драматург, журналист. В 1972 году вместе с Борисом Гребенщиковым основал рок-группу «Аквариум», где был ударником. До своего ухода из группы и после был автором текстов многих песен как для «Аквариума», так и для других знаменитых рок-ансамблей. В 1975 году оставил музыкальную деятельность ради театра. Стал дипломированным театроведом, побывал директором «Театра абсурда», но тексты к песням и стихи писать не переставал. Как поэт перед публикой стал выступать только в нулевых годах. Критики отмечали тяготение Гуницкого к абсурдистской поэзии, плотное использование оксюморонов и метафор в создании необычных, зачастую абстрактных образов, остроумное сопоставление противоречивых понятий, увлечение свободным стихом, верлибрами, отказ от рифмованных текстов. В предисловии к данному сборнику Джордж Гуницкий поясняет: «Все это не совсем так; конечно, меня всегда привлекали свободные поэтические формы, но почтенные наблюдатели не обратили внимания на то, что с помощью моих стихов создано не так уж мало песен и многие из них появились благодаря стихам с рифмами, впрочем, имеется немало исключений из этих правил, потому что некоторые песни запросто существуют со стихами без малейшего подобия рифм. Кроме того, для меня очень важен ритмический стержень стиха». В книге «Время уходит» представлены стихи, созданные в 2019–2022 годах. В предисловии автор пишет: «По мере формирования книги я понял, что тема уходящего времени в моих стихах доминирует. Причем во многом независимо от моих планов, желаний и намерений. Ведь почти все вокруг, давно привычное и неплохо вроде бы знакомое, решительно, едва ли не полностью меняет свой облик. Очень круто оно его уже изменило и, похоже, не намерено останавливаться в своем движении. Эти метаморфозы зачастую выглядят не слишком радужно. Но не стану говорить про политику или экономику и про многие прочие занимательные материи, множество людей, пожалуй, сделают это лучше и точнее». Да, у Гуницкого-поэта «Время уходит в другую сторону / Никто не встречает там / Не провожает здесь», да, «в тот век все было по-другому / Но мы опять не помним как», и «что будет дальше — неизвестно», в «телевизоре одни и те же лица / надоели все до одного». А в памяти ярко запечатлены «рок-клубовские фестивали, где сочетались краски, тусовки и страсти, безрассудный яростный драйв», «те блаженные и пронзительные времена / Все мы были лет эдак ..надцать моложе / И умели быть самим собой / И лю-

бить / И мечтать / И спешить / Потом разучились». И через всю книгу рефреном проходит: «всегда все по-другому, опять одно и то же», «ничего не изменится, никуда не приложится» и все идет «вновь по кругу, как было всегда». Но в первую очередь Гуницкий размышляет о субъективном, очень личном: о несвершенном, о несбывшихся мечтах, планах, желаниях своих собственных и, обобщенно, «детей битломании / поколения Вудстока», у которых «не было ни малейшего резона / считать себя не такими / как все остальные». Программным можно считать стихотворение «Хотелось больше...» (06.01.22), открывающее сборник.

Хотелось больше
Получилось меньше
Мечталось дальше
Оказалось ближе
Стремилось выше
Закрутилось ниже
Звучало громче
Зашипело тише
Летало сильно
Приземлилось больно

Тема «несвершенного», «незавершенного», несбывшегося переходит из одного стихотворения в другое: «Заснул», «Все как всегда», «Некоторые действия», «Нет не достал», «Найти потерять», «Одно и то же»... С темой «несвершенного» неразрывно связана попытка найти ответ на вопрос, почему, как, когда «поколение Вудстока» упустило свой шанс реализоваться полностью (хотя, кажется, Гуницкий слишком строг к себе).

Наверное мы никогда не умели
Скорее всего никуда не спешили
Не очень мечтали
Не слишком хотели
Гуляли
Играли
Как вдруг не смогли
Сломались качели
Разбились гантели
Укрались газели
Вернулись в чулан кое-как еле-еле
На месте остались
Да прочь не ушли.

(«Не ушли», 06.06.20)

Тема «человек и время» в сборнике Гуницкого имеет множество оттенков: отголоски, осколки неизбежно уходящего прошлого; день сегодняшний со всеми его негативными новостями, хороший тем, что ты просто есть; преходящесть жизни; вечный вопрос — что будет после того, когда мы уйдем.

Иногда время помещается на ладони
Порой ему не хватает десятилетий
Прошел день
Но не до конца
По-прежнему хочется быть.

И если для литературы абсурда характерны демонстрация бессмысленности, парадоксальности, нелепости и даже комизма привычных жизненных условностей, правил и законов, обличение недопонимания между отдельной личностью и обществом, то вряд ли творчество Д. Гуницкого можно отнести к литературе абсурда. Это хорошо продуманные, выстраданные стихотворения, честный разговор об ответственности человека за свою жизнь в первую очередь перед самим собой. Поэт не ставит вопрос, кто виноват, а задается другим: почему?

Быть может не знали куда
 Как будто вперед шли
 Оттого что катило
 То меньше
 То как-то еще
 Катит и теперь
 Только в другую сторону
 Мы опять не знаем куда
 («Катило», 29.12.20)

Как поэт, Гуницкий успешно решает важную для себя задачу сохранить ритмический стержень стиха, для создания стилистического эффекта успешно использует как оксюморон глаголы и наречия и пишет красивые, наполненные смыслом стихи.

Забудем про вчерашнее кино
 Его никто нам больше не покажет
 Усталый город медленно ворчит
 Случайно проливает кофе на пол
 Восход негромко по стеклу стучит
 Пора опять куда-то не спешить
 И выключать молчащий телефон...

Анатолий Валевский. Слезы апреля: Повесть. М.: 2022. — 79 с. — (Путеводная звезда, № 2. Школьное чтение).

История о детстве и дружбе, что связала двух мальчиков еще в детском саду. Естественно, друзья, «взрывная смесь», по ходу действия будут попадать в переделки, порой забавные, порой опасные. Анатолий Валевский, педагог с большим стажем, хорошо осведомлен об особенностях детской психики. Для него является нормой фантазийное допущение, что у его главного героя Тобиаса есть наставник и ангел-хранитель Жабыч, которого, кроме мальчика, больше никто не видит и не слышит. Автор считает, что такой тайный собеседник, как Жабыч, был в жизни каждого из нас, «но, повзрослев, мы забыли о нем и стали сетовать на то, что совесть замучила и заставляет что-то предпринимать. А это, оказывается, Жабыч приходил, хоть и распрощался с нами давно, когда всем нам пятнадцать-шестнадцать лет. Только Жабыч может помочь в ситуации, когда ребенок совершил неблагоприятный поступок или попал в автомобильную аварию и замкнулся на своей боли. Маленький друг детства шагает по дороге детства вместе с Тобиасом, главным героем повести, преодолевая различные трудности. Жабыч старается аккуратно наставить, указать правильное решение. Еще он советует никогда не бояться любить. Жабыч может обижаться, шутить, предостерегать, сомневаться, даже возмущаться, но он всегда рядом. Каждый из нас видит и представляет его по-своему. Внутренний друг, которого нам будет не хватать, когда мы вырастим».

Эфемерный спутник Тобиаса появляется еще до рождения ребенка. «Долго еще будешь кочевряжиться? — секундная пауза. — Тобиас, пора к свету! ...Мое дыхание стало прерывистым, будто меня кто-то насильно выталкивал куда-то вверх. Мне же никак туда не хотелось. — Там не будет страшно?! — Я услышал смех: заразительный и очень приятный». Жабыч Валиевского — мастер афоризмов, сентенций и хороших советов. Он уверен, что «дом живет, дышит, пока по его ступенькам бегают детские ножки», что «людей, которых любишь, нельзя расстраивать». «Жабыч, — говорит повзрослевший Тобиас, — иногда так хочется душу раскрыть нараспашку, как окна в летний день, чтобы квартира не только прогрелась солнечными лучами, но и проветривалась от затхлости и сырости». «Хорошее желание, только будь осторожен, — предупредил Жабыч, — именно в такой момент находятся желающие разбить булыжником твоё открытое окно или смачно плюнуть в твоё небо и украсть твои же звезды.... Открывать, но лучше форточки. Открывай только для своих. Не пускай в свой мир посторонних». Афоризмами сыплет и папа героя, например, поясняя сыну: «...женщины, они те же маленькие капризные девочки, любят, чтобы о них красиво говорили». Семейные отношения занимают важное место в книге. Семья, что мечтала о рождении ребенка больше десяти лет, — это «самая неправильная бабушка», мама, у которой порой не хватает времени, чтобы выслушать сына, здравомыслящий папа. Бабушка убеждена, что «семья — это когда вы разговариваете друг с другом, а не молчите или смотрите в телевизор»; Жабыч утверждает, что «человеческая жизнь — сплошное землетрясение»; папа считает, что в шесть лет надо не только отвечать за свои поступки, но и понимать, что необдуманными действиями сын наводит в семье хаос. Чтобы понять, что такое хаос, если он провоцирует семейное землетрясение, Тобиас обращается к занимательной энциклопедии «Всё обо всём». Впрочем, он и сам знает, что именно провоцирует хаосы — запреты! А кроме того, и Жабыч уверен, что постоянно заставлять ребенка что-то делать — неверно. Книга А. Валиевского рассчитана не только на детей, но и на родителей, которые забыли, что значит быть маленькими, она дает возможность взрослым лучше понять своих детей. Одна из центральных тем книги — дружба, которая помогает детям преодолеть страхи, неприятные ситуации, трудности. У Тобиаса и его друга Матиаса есть и общие тайны, и секреты, которые они скрывали даже друг от друга, опуская записки с такими «частными секретами» в собаку-копилку. Став подростками, они разобьют эту копилку, и все секреты исчезнут. Мальчиков объединяет богатая фантазия и оригинальное мышление. И если у Тобиаса есть свой Жабыч, то у его друга — волшебные котики Бастиана. Котики Бастиана названы так в честь брата-близнеца, умершего в возрасте двух лет. «Мама его очень любила, нет, она и меня любила, — поправил себя Матиас, — но Бастиан — младший. Мама Бастиана ласково называла котиком или солнышком. У него были золотистые волосы, не как у меня черные. Когда Бастиан умер, мама плакала каждый день, часами смотрела на фото братика. И я нарисовал тогда своего первого котика. — Кто это? — спросила она. — Бастиан, — ответил я. Мама расплакалась и сказала: Наш Бастиан и правда такой, как твой солнечный котик, и рыжий, как Винс... С тех пор я рисую не рыжих, а солнечных котиков. У меня дома их много. Рисую везде, лишь бы успеть. Они не могут ждать, слишком нетерпеливые. Если я не успею их нарисовать, они убегают. — Куда убегают? — Матиас задумался, наморщив лоб. — К себе, наверное, — он пожал плечами. — У них же где-то есть дом. Я их полюбил. Я с ними разговариваю, особенно когда их рисую». С котиками связаны и многие сюжетные линии повести, и дивные истории, выдуманные рисуящим их мальчиком. Объявив себя Другами в детском саду, мальчики и в школе остались друзьями, несмотря на нескорые расхождения: Тобиас посещает Академию пения, Матиас увлекается футболом. «Ваша дружба разрушится, когда вы с Матиасом влюбитесь в одну девушку», — предупреждает своего подопечного Жа-

быч. Но появившиеся у друзей подружки препятствием дружбе не стали. И именно дружба помогла Тобиасу преодолеть последствия дорожной аварии, случившейся накануне окончания школы и пригвоздившей его к инвалидной коляске: уныние, замкнутость, отказ от общения даже с лучшим другом. А первый луч надежды дали волшебные, восхитительные котики, которыми Матиас разрисовал грязные стены гаража, которые его друг видел в окно. В повести А. Валевского есть сюжет, юмор и важные — для детей и взрослых — нравственные послылы.

Андрей Попов. Похождения Сахиб-Фаранги: очерки об Индии.

СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2022. — 328 с.: ил.

В первой половине 90-х годов Андрей Попов занимался так называемым современным искусством и мало знал об Азии. Вместе с друзьями, бесшабашными художниками-авангардистами превращал их мастерские в пустующих дворцах Петербурга в танцплощадки, принимал участие в выставках в России и на Западе, его картины попали в коллекции нескольких отечественных музеев. Одновременно пристрастился к посещениям антикварных магазинов, именно тогда диковинные образы далекой Азии привлекли его внимание. 1996 год стал переломным: желая что-то изменить в жизни и заработать, он устроился на хорошо оплачиваемую работу, которая предусматривала командировки на Северный Кавказ. Там, не совершив ничего плохого или противозаконного, почти сразу оказался в тюрьме. Только чудо, считает А. Попов, помогло ему вернуться домой. Женитьба, рождение дочери, экономический кризис 1998 года вынудили искать постоянный заработок. Два года он проработал оценщиком в одном из петербургских ломбардов, но его натура требовала жизни яркой, интересной и авантюрной. Он стал торговцем антикварными товарами, приобретенными в далекой Индии, а заодно и экспертом по холодному оружию Индии, и знатоком индийской культуры в целом. С 2001 года регулярно летал в Дели. Исколесил Индию от Кашмира до Тамилнада и от Гуджарата до Западной Бенгалии. Изучал древнюю культуру, людей и разные стороны декоративно-прикладного искусства. Покупал ювелирные изделия, камни, стекло, керамику, миниатюры, фотографии, книги и свитки, бронзу, оружие и доспехи, механические игрушки, изделия из слоновой кости и рога носорога, магические и этнографические объекты. Рисковал деньгами, здоровьем и жизнью. Иногда зарабатывал, порой прогорал. «Путешествуя, я обследовал все больше населенных пунктов, лавок и чуланов, знакомился с новыми людьми и книгами. Находил то, что меня интересовало, занимался организацией сложной логистики, перемещал предметы на тысячи километров между продавцом и покупателем, порой через третьи страны. Через мои руки прошли сначала десятки, а потом и сотни клинков». А однажды и пушки. А. Попов пишет о своих впечатлениях, открытиях, порой опасных приключениях. Любовно живописует древние столицы индуистских княжеств и отдаленные горные деревушки, стоящие в запустении древние дворцы, крепости, храмы. Рассказывает о сокровищах, обнаруженных им в антикварных магазинах и лавках старьевщиков, в гостях у коллекционеров и в частных домах. Эту книгу можно назвать малой энциклопедией древнеиндийского оружия. За экзотическими названиями — «шамширы», «тальвары», «пешкабзы», «катаны», «мугдары» — скрываются сабли, ножи, дубины, и не только индийские, но и персидские, среднеазиатские, китайские, тибетские. Оружие Индии, издревле являющейся перекрестком культур, разнообразно и занимательно. Мечи и сабли, ножи и кинжалы, пики и копья, луки и стрелы, щиты и доспехи имеют региональные особенности конструкции и декора, региональные наименования. Характеристики многочисленных видов вооружения даны в тексте, справки (названия оружия,

имена исторических персонажей, время и место исторических событий) помещены в сноски на полях, что «разгружает» текст от незнакомых терминов, имен, названий и дает возможность вслед за автором погрузиться в богатую историю страны. А. Попов дает обзор литературы, посвященной военной истории Индии и включающей описания множества видов оружия. Неудивительно, что первая такая книга вышла в 1896 году в Англии, ведь именно британцы и британские музеи имели богатейшие коллекции индийских древностей, в том числе оружия — следствие колонизации. С определенными образцами мечей, кинжалов или доспехов связаны исторические экскурсии, которые делает автор. Он рассказывает о старинных битвах между индуистскими княжествами, о столкновениях этих княжеств с Великими Моголами, о восстаниях против британцев. Пишет о правителях древности, их судьбах, их увлечениях, вкладе в материальную культуру Индии, о нравах давнопрошедших и нынешних времен. В охоте за артефактами А. Попов открыл для себя огромный, единый мир: Индо-Персию, что простерлась от Центральной Индии до Китайского Туркестана, от Индонезии до Судана и стран Магриба. В самой Индии он обнаружил Афроиндию, дом для индоевреев и индохристиан. Его друзьями становились люди всех племен, национальностей, сословий, вероисповеданий. Потомственные оружейники и кузнецы рассказывали ему о древних секретах производства железа и металлообработки (мастера Индии научились выплавлять и ковать железо более трех с половиной тысяч лет назад). А. Попов прикоснулся к тайне булатной стали и даже принял участие в возвращении к жизни изделий из нее. Старик Суреш из касты лохар (именно лохары занимаются обработкой железа и экспериментами со сталью) обучал автора и его спутников мастерству древних фехтовальщиков. Торговцы, ценители и хранители прекрасного учили Попова торговаться красиво и со знанием дела — умение торговаться является в Индии традицией и частью торговой культуры. И все многочисленные знакомцы рассказывали любознательному другу о необычных техниках исполнения того или иного предмета, об оружейных традициях и о своих родословных, обычаях, связанных с их кастой и вероисповеданием. Отчасти книгу можно назвать и этнографическим путеводителем по Индии, в первую очередь по Северо-Западной. Хорошее знание индийской действительности и письменных источников позволяет автору заметить, что постоянные дворы, знакомые Афанасию Никитину, мало отличаются от провинциальных дхаб сегодняшней Индии, а некоторые дороги весьма похожи на те, что видел Киплинг. А еще провести параллель между представителями садху, вечными странниками, что в европейских источниках известны как факиры, и каликами переходящими из русских былин. «Под шапкой русского юродивого мог скрываться железный шлем, скованный из полос. Вериги, скрытые под одеждой, служили также и доспехом. В. Даль определяет понятие „калика“ как „нищенствующий, странствующий богатырь“». Эта информационно насыщенная книга читается как увлекательный приключенческий тревелог.

Леся Тышковская. Мифы Марины Цветаевой. СПб.: Алетей, 2022. — 216 с.

Творчество Марины Цветаевой пронизано мифологией. Опираясь на свои глубокие знания античной, библейско-христианской, германской, славянской мифологий, интерпретируя известные мифы, трансформируя их сюжеты и их героев в своих стихотворениях, Цветаева создала огромный тайный мир с причудливыми образами, загадками, тайными шифрами. Историк литературы Лесе Тышковской, отмечает издатель книги И. Савкин, удалось отыскать свою, в чем-то похожую на другие, но особенную, лично свою тропинку в мир образов и звуков одного из великих поэтов XX века — в мир Марины Цветаевой. Мифы, связанные с именем Марины Цветаевой, Л. Тышковская раз-

деляет на три группы: биографические (например, миф о соблазне высотой), историко-мифологические (самоидентификация себя с такими историческими и литературными персонажами, как Марина Мнишек или Сивилла) и архетипические (миф «первого брака» или «разрозненной пары»). Автор проанализировала множество произведений поэтессы, обращаясь в своей работе именно к ним и скупно привлекая биографический материал. Идя от частного к общему, устанавливая связи между смыслом и формой, Тышковская досконально исследует значение конкретного звука, слога, морфемы, слова, фразы, строки, строфы в стихотворениях М. Цветаевой. Рассматривает лейтмотивные образы в отдельных произведениях поэта, например сна, матери, горы в «Поэме Горы», и те, что проходят через ряд произведений, такие, как «пространство», ключевое слово в творчестве поэта. На материале «Поэмы Конца» изучает смысловые нагрузки характерного для Цветаевой употребления тире, рассматривает оппозиции, которые образуются при употреблении тире. Определяет дополнительную функцию сложных слов-понятий — Ладонь-Глубизна, звонницы-бессонницы, Сгинь-Бережок, плет-паутиночка, Синь-ты-Хвалынь — в поэме «Переулочки». Л. Тышковская «поверяет алгеброй гармонию», чтобы в конечном итоге приблизиться к пониманию цветаевского мифотворчества, которое включает в себя и сотворение мифа, и интерпретацию мифа, и возведение мифа в абсолют. Основным мифом Цветаевой она называет соблазн высотой, путь в высоту, к которому приводит безмерность души. Отдельная глава посвящена именам собственным, тем, которые своим значащим звучанием создают миф. Это имена и мифологических персонажей, и исторических деятелей, и современников поэта. Автор проясняет смысл и символы имен Рильке, Блок, их образы и образы Ахматовой, Брюсова, Волошина в стихах Цветаевой. Среди топонимов автор выделяет мифологические названия (Лета, Стикс), исторические топонимы, являющиеся мифологически отмеченными (Троя, Иордань), реальные названия стран и городов, мифы о которых созданы Цветаевой на основе собственного опыта поездок и эмиграции. Л. Тышковская пишет о мифах страны души, которые создавала Цветаева. Для Цветаевой Россия — это «безмерность и бесстрашие любви. И если есть тоска по родине — то только по безмерности мест: отсутствию границ». Родиной души, указывает исследовательница, Цветаева считала Германию, литературу и культуру которой хорошо знала. «Франция для меня легка, Россия — тяжела, Германия — по мне. Германия — дерево, дуб... (Гете! Зевес!). Германия — точная оболочка моего духа, Германия — моя плоть... Германия — страна чудаков... Эта страна сумасшедших, с ума сошедших на высшем разуме — духа... Германия — тиски для тел и Елисейские поля для душ... Мне при моей безмерности, нужны тиски», — писала Цветаева. Миф о стране, по мнению Тышковской, Цветаева создавала на основе литературных источников, но после пребывания в стране, особенно длительного, миф, как правило, исчезал. Центральным антропонимом в поэзии Цветаевой является имя собственное Марина. Это часть важнейшей мифологемы ее произведений — мифологемы воды (большинство библейских и античных героев стихотворений так или иначе связаны с водной стихией), и раскрытию этого смыслового кода автор уделяет особое внимание: аллюзии с богиней любви и красоты Афродитой, соленое море разлуки, поглощенность морской стихией. Заключительная глава посвящена трансформации книжных мифов в поэзии М. Цветаевой, переработке сюжетов и образов античной, германо-скандинавской, славянской и библейско-христианской мифологий, а также переработке персонажей из литературы нового времени (Кармен, Дон Жуан, Манон Леско, Гамлет, Офелия), в том числе и персонажей исторических (герцог Рейхштадтский, Ж. д'Арк, А. Шенье, С. Разин). И тут Л. Тышковская выходит на очередной важный миф в творчестве Цветаевой — миф о разрозненной паре, о тех, кто должен был бы соединиться, но этого не произошло. «Не суждено, чтоб сильный с сильным / Соединились бы в мире сем. / Так разминулись Зигфрид с Брун-

гильдой, / Брачное дело решив мечом». Среди разрозненных пар, следуя стихам Цветаевой, Тышковская называет Ахилла и царицу амазонок Пенфезилею, Ахилла и Елену, Ариадну и Тезея, Орфея и Эвридику. Тонких наблюдений, значимых выводов немало. Но есть одно «но»: изначальный текст — диссертация автора на тему мифов в творчестве Цветаевой — так и остался серьезным филологическим исследованием, он перегружен специфическими терминами, структурными элементами и для широкого читателя не адаптирован.

Алексей Синелобов. «Из мрази в князи». Судьбы и интриги забытого века. М.: Концептуал, 2022. — 176 с.: ил.

«Забытый век» — это время между знаменательными вехами отечественной истории: Куликовской битвой (1380) и Стоянием на Угре (1480). По мнению историка Андрея Синелобова, XIV—XV века — один из самых загадочных и малоизученных периодов нашей истории, насыщенный значимыми событиями: московская замятня 1425—1453 годов, утрата независимости Тверским и Смоленским княжествами, «бурлящий литовско-польский котел», сложные комбинации, образующиеся Москвой—Ордой—Литвой. Большая династическая война, «замятня», разразилась между потомками Дмитрия Донского. Согласно его завещанию, его старший сын Василий Дмитриевич не имел право передавать престол своим детям, и после его смерти московский трон должен был занять другой сын Донского — Юрий. Однако, став великим князем, Василий Дмитриевич нарушил волю отца, женился на литовской княжне Софье Витовтовне (Донской выступал против сближения с Литвой), оставил трон малолетнему сыну. За свои права — не без успеха — сражались и Юрий Дмитриевич, и его братья, и его сыновья: московский трон не раз переходил из рук в руки. Лихолетье завершилось в 1462 году, когда московский трон занял великий князь Иван Васильевич. В московской великокняжеской, а позднее царской семье о событиях 1425—1453 годов старались не вспоминать, со временем появилась официальная летописная версия, согласно которой Юрий Дмитриевич с сыновьями объявлялись узурпаторами власти законного правителя Василия Васильевича. В XIV—XV веках свой «европейский выбор» совершило Великое княжество Литовское, границы которого в период расцвета простирались от Балтийского моря до Черного, а русский язык вплоть до XVI века являлся основным в государственном обиходе. После Кривской (1385) и Городельской (1413) уний Литва была обречена на польское поглощение: гордые литвины перешли на вторые роли. В эпоху «забытого века» не было недостатка в ярких исторических личностях, государственных и церковных деятелях. Об этих людях, их борьбе, спорах, победах и поражениях, подвигах и предательствах, заслугах и ошибках и идет речь в книге. Среди ключевых фигур нарушитель воли отца великий князь Василий Дмитриевич и его брат Юрий Дмитриевич. Средневековый «джентльмен» Юрий Дмитриевич на Москву пошел после того, как его племянник разорил его удельное владение Галич, Москву Юрий не штурмовал (была Пасха), ворота ему отворил боярин Роман Хромой. Князь Юрий избегал ненужного кровопролития, престол детям не завещал. Братья конкурировали между собой и как полководцы, и как строители и покровители искусств. При содействии Юрия был основан знаменитый Саввино-Сторожевский монастырь. Портретов и описаний внешности этого князя не сохранилось, но зато его геральдический образ Георгий Победоносец до сих пор является гербом Москвы. Среди героев «забытого века» есть и женщины с сильными характерами: Софья Витовтовна, Софья Палеолог, Елена Волошанка. Значимыми фигурами в политической и духовной жизни общества русского средневековья были духовные лица. С избрани-

ем русским духовенством первого Всероссийского митрополита Ионы прекратилась зависимость Русской церкви от Константинополя. Его антагонист, «зломудренный отступник» митрополит Исидор на Флорентийском соборе (1438) от имени Русской церкви принял унию, за что и был заключен в Чудов монастырь, откуда бежал в Литву, а затем в Рим. Непререкаемым авторитетом и наставником для многих русских князей и воспитателем многих русских святых был Пафнутий Боровский. Рьяную борьбу против ереси жидовствующих, которой до начала XVI века покровительствовал великокняжеский двор, вел новгородский епископ Геннадий Гонзов. Спорили идейный вождь заволжских старцев, основатель скитского образа монашеской жизни на Руси, идеолог нестяжательства Нил Сорский и «самый злобный монах русского средневековья» Иосиф Волоцкий. По мнению автора, резкое противопоставление «добрых» нестяжателей и «презлых» иосифлян во многом придумано писателями. На самом деле различия их позиций отражали накал идеологической и политической борьбы внутри церкви по самым актуальным вопросам времени: земельные богатства церкви, борьба с еретическими течениями, взаимодействие со светской властью. А. Синелобов развеивает многие устоявшиеся мифы. Так, он считает неверным, что в историографии внук Дмитрия Донского Василий Темный предстает как несчастная жертва. Свое прозвище он получил, когда в 1446 году, оказавшись в темнице, был ослеплен по приказу своего двоюродного брата Дмитрия Шемяки. Позднее официальная версия создала из Шемяки образ изверга, а в общественном сознании ему приписывали продажный Шемякин суд, к которому он отношения не имел. В действительности византийскую традицию ослепления на Руси ввел сам Василий II, правитель, склонный к злонравию, вероломству, жестокости и предательству: по его приказам были ослеплены родной брат Шемяки князь Василий Юрьевич Косой и мценский воевода Григорий Протасьев. Позднее по приказу Василия II был отравлен и сам Шемяка. Вряд ли «совершенным рыцарем», как укоренилось в литовской публицистике, можно считать «могучего зубра литовских лесов» князя Витовта, который за 38 лет своего великокняжения (1392–1430) стал первой звездой на политическом небосклоне Восточной Европы. Созданный в позднейшие времена образ «рыцаря чести» не имеет ничего общего с реальным Витовтом, человеком своего жестокого времени. «Кровавый мясник» оставлял после себя сожженные лачуги бедняков, как в Жемайтии, или лады с перебитыми младенцами, как в псковских пригородах. А вот веротерпимый униат Свидригайло Ольгердович, боровшийся после смерти Витовта за литовское великокняжение, был опорочен в памяти потомков, как и другие православные князья, которые якобы «имели дух спесивый, мятежный, завистливый. Злобный, нечестный, дерзкий, лживый и скаредный». В заключение А. Синелобов помещает поколенные росписи родов с краткими биографическими характеристиками их представителей: князя Патрикеевы, обрусевшие греческие аристократы Траханиоты, прибывшие на Русь с Софьей Палеолог, превратившиеся из потомков византийских императоров в обедневшее русское дворянство Ласкиревы, подмосковные помещики Спасителивы. Два десятка очерков, в которых автор в занимательной форме раскрывает сложные интриги былых времен, загадки «забытого века», разрушает устойчивые мифы.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)